

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ-32

В русском жанре – 92

”

Более всего в детстве я претерпел от старшего брата. Отцу было не до меня, мать в силу владшей ей во всём осторожностью не вникала, а брат насмехался. Вот во дворе при соседях или дома при гостях, глядя на меня, рассказывает...

– Начнет штаны снимать и сидит на кровати в одной штанине, в потолок глядит... что это значит? А это значит, Серёжа задумался...

Ха-ха-ха...

Быстрый был брат, скорый и на хорошее и на плохое, всё спешил, спешил, особенно с переменной мест работы. Отец переживал, стыдился, и если спросят, чем старший занимается, а тот служил истопником, отвечал, что сын физик-ядерщик.

Умер в пятьдесят три, на поминках, устроенных отцом, которого огорчила скорость, с какой стали наливаться друзья покойного, про которого ничего не сказали, и отец, глядя темно-зелёными очками в лепной потолок ресторана «Волга», жалобно попросил хоть что-нибудь сказать о покойном, и пришлось встать мне, чего очень не хотелось, подыскивать слова. Жена потом сказала, что заметила, как тряслась моя рука с фужером водки.

”

Стали вспоминать Нику Турбину, в этом году ей (1974–2002) могло бы исполниться 50 лет.

Тогда невозможно было о ней не услышать. Помню странное впечатление от её стихов, которые не были так уж хороши, но поражало, что старческую утомлённость жизнью столь последовательно выражает подросток. Но шум был таков, что и вчуже пробирал страх за судьбу девочки, обнаруженной в Ялте Юлианом Семёновым и переданной в опеку Евгению Евтушенко, который издал девятилетней Нике первый сборник стихов, прокатил по Италии, где её удостоили, подобно Ахматовой, премии «Золотой лев», и пошло-поехало. Сыграло, конечно, роль то, что мать Ники (и считается, её соавтор) была неудавшейся художницей и подругой Андрея Вознесенского, которого околелитературная молва даже зачисляла Нике в отцы. Самым коварным стали появившиеся деньги. Страшна дальнейшая биография Ники с поездками по миру, рождением детей, сожительством со швейцарским старцем, попытками суицида, безнадежной болезнью.

И у нас в Саратове, в те же примерно годы была своя девочка-поэтесса, да ещё как нарочно с поэтической фамилией. Ольга Лебёдушкина родилась в 1966 году в районном посёлке Турки и ещё школьницей стала публиковаться в местных газетах на поживу саратовским журналистам, раззвонившим о таланте из глубинке. И опять-таки хорошо помню, а не сейчас выдумываю, что узнав о печатных успехах школьницы, не мог не вообразить её печальное будущее, что усугублялось поступлением в Литинститут. И представьте: ничего из вообразённой страшной перспективы с ней не случилось, а была насыщенная трудом биография, в которую основанием легла служба в газете для учителей «Первое сентября» с 1994-го вплоть до разгона в 2014-м редакции, где следовали в работе педагогическим принципам своего основателя С. Соловейчика. А Ольга

закончила аспирантуру Литинститута, защитила в МГУ дисер на тему «“Филологическая проза” Леонида Гроссмана» под руководством Мариэтты Омаровны Чудаковой, став даже её печатным соавтором.

”

Восемь лет безвылазно сидя дома, я бы и забыл о временах, когда куда-то ездил и встречался со множеством разных людей, если бы не дневник.

Март-апрель 93 г.

Поезд отправляется в 2 дня. Никуда не ездил вот уже год, все непривычно: вокзал, забитый ларьками с литературой порно и ужасов, постоянные предупреждения по радио о кражах, и то, что 9-ый поезд отходит не вечером, а днем, и что не курю – всегда у вагона в ожидании отправления покуривал. Белье – 100 рублей, билет 888. Попутчики – пожилая пара и молодой человек. Пара, как и весь вагон, ела. Сколько жрут наши люди, особенно в дороге! Колбаса, вареная картошка, соленые огурцы, хлеб, потом весь вагон спит и пердит во сне. Чаю теперь не подают. Только кипяток. Как обычно в дороге я долго и хорошо спал на своей верхней полке. Выходил лишь в Ртищеве, где мимо вагонов стали ходить люди, предлагая хлеб, водку, пиво и ситро.

Прибытие 6.40. Метро радиальное закрыто. Первый из давно не хоженных мною подземных переходов метро до кольцевой с нищенками и торговками, еще пустоватый. Пустынная тоже ул. Коперника, бетонно-безобразные цирк и театр, огромный двор, очень холодный ветер, так что ждал в подъезде грязном и ободранном в последней степени, а как вышел, вскоре и Женя¹.

Поехали сперва по его маршруту на Ново-Басманную, к Гоге Анджапаридзе². Так как дело сутяжное, я с ним не пошел: помешал бы Жене, а Гоге мог помочь – для отсвечивания. У Жени без спросу перепечатали рассказ в русско-норвежском сборнике, и он пошел требовать с Гоги доллары. Я ожидал его час, доходил до Разгуляя, очень холодно, ветер, дивный дворец напротив Худлита, непонятного ныне назначения, с голым двором и женской фигурой в центре мертвого фонтана. Кажется на доске – дом Михеева (?), поразило, что построен за год или два 1898-99. Женя вышел довольный собой, хоть и сказал, что Гога – редкий жулик.

В Минпечати помощник замминистра Судакова держался доброжелательно, его отец родом из Лысых гор. Судаков по его словам занят с американцами. Увидев в вестибюле выходящих американцев, я кинулся в приемную. Принял сразу. Бывший комсомольский работник. В речах – Вася Шабанов, Машовец, сам он из Нижнего: Валера Шамиурин, Юра Адрианов. Чуть поддавши. Женя тем временем отнес наш балансовый отчет, и отправились сразу в Детскую книгу, район Марьиной рощи, и погода мерзкая, хамские голоса по вн. телефону на фабрике, но оттуда домой, в коммуналку. Вышли на Академической, пешком, 10 бут. пива, рыба, водка, предвкушение. Расслабились в комнате не надолго, а там на машине к Жене, точнее в квартиру Светы³ в Теплом Стане, чуть уже затуманенные. По дороге мимоза. Боже, как велика Москва, если в одном в общем-то районе путь так долг.

Светлана, ее подруга, кажется кавказского происхождения. Миша Кочетков, замечательно ревуций в магнитофоне, слушающий с нами сам себя, Андрей Анпилов не пел, лишь подыгрывал Володе Туриянскому. Тот как бы подустаревший, но очень верный, хотя очарование его песен, как и Окуджавы, во многом держится на исполнении. Я стал нервничать часов в 11. Расстояние! Жадность провинциальная – ведь туда ехали за 700, а теперь ночь! Вышел в 12. Машина нашлась тут же. 1000, которую вышедший проводить меня Женя сразу же посулил водителю. Дома пил пиво, читал и утром чувствовал себя неважно.

¹ Писатель Евг. Попов (Здесь и далее прим. автора).

² В то время директор издательства «Художественная литература».

³ Жена Попова.

31.03. Надо было идти в ЛГ на круглый стол. И, уже опаздывая туда, задержался в универсальном кн. магазине, купив «Великий канцлер» из булгаковского архива, затем решил уж в ЛГ не ехать и уж вернулся домой, к пиву, сыру, лежанью, тем более что к 4-м надо было на Zubовский на презентацию Глезера¹. Туда попал быстро, аккуратно. Пустынный зал никак со словом презентация не сочетался. Десятка два человек, в т.ч. Женя Рейн, милый, Светлана Попова. Сам Попов опоздал, придя с Салимоном² и Семеновым³. Отсидев, решили отправиться в ЦДЛ, как-то очень невесело, в троллейбусе. Там внизу сдвинули два столика, еще подсели Глезер и Лев Рубинштейн. Большой, благополучный, в расцвете Сережа Семенов. Пили водку, бутерброды ели, пили пиво, нарзан, а в углу дрались, их выводили. Рейн рассказывал, как не на что жить. Одна из основных тем общей беседы – редакторство Пьецуха, который внедрил в новую роль, сидит в президиумах, пригласил Дедкова обозревать его журнал со стороны и проч.

У ЦДЛ Женя поймал машину. Да, пред тем он так долго стоял в вестибюле с Вовой Бондаренко⁴ и безумным Калугиным⁵, что в конце концов я не выдержал, подошел, за что был вознагражден свежим номером газеты «День» и вопросом Бондаренко: «Что, поближе к “Огонечку”?» и его скверной рожею. Женя же подошел пенять им на фото в «Дне» – где пленных фашистов ведут по Москве, подпись – вот так проведем и демократов.

В дороге была встреча – впереди странно ехал автомобиль, который то и дело вдруг притормаживал. И показывал нам, открыв дверцу, почему-то лопату. Долго стоял на Крымской площади, откуда ни возьмись вдруг гаишник, локтем от руля отпихнул пьяного водителя, выдернул ключ, вызвал в говорильник машину, придерживая клиента.

1 апреля договорились в час встретиться с Женей в ЛГ. Я не спеша заранее вышел, но зачем-то пошел от м. Чистые пруды направо, тогда как надо было свернуть налево, к Сретенке. Я ведь не был в новом здании ЛГ. Пришлось идти мимо старого здания ЛГ на Цветном, где сплошь все перерыто, грязь как в деревне, а у меня сердце, синие щеки, и я опоздал в редакцию более чем на час. Женя еще ждал, тут же пошли в буфет, где выпили пива и поели (Ю. Щекочихин с кем-то пил там портвейн). А оттуда к Золотусскому, где Женя придумал сочинить нам вдвоем беседу о «Волге», а самое поразительное для меня, лодыря, что уже в метро он составил план, а придя в 5 на Университетский, мы тут же принялись работать. Он сел за машинку, и я разогрелся не без помощи пива и зубровки, и до 9 мы сочинили 10 приличных страниц..

2.04. Женя приехал утром с выправленной рукописью, стал дозваниваться, нервничая, в ЦДЛ, где ресторан закрыт для банкета, но мы поехали с моими вещами, по дороге в Трубниковом купили бутылку бренди. В ЦДЛ уже были Светлана и Потапов⁶, пошли сначала в буфет, там комплексный обед, я бы этим и ограничился, но пошли в Малый зал, там за скатертью тарталетки с паштетом Светлане и с сыром нам, и всем пельмени и две бутылки полузабытого саперави. И пельмени не очень и тарталетки и пять тысяч за обед.

<...> В вагоне жуткая жара и духота. Попутчики пожилой ртищевец и военврач, сбежавший с Украины, беседуют о политике, и девица, показавшаяся совсем убогой – тоща, сера, в очёчках. Ушла и через час появилась в сопровождении огромного парня рэкетира облика, совершенно пьяная. Мы уже лежали, он завел ее в купе и положил, как мертвую, на верхнюю полку напротив меня. Духота была такая, что заснул под утро.

¹ Поэт и издатель.

² Поэт.

³ Художник-график.

⁴ Критик.

⁵ Психически нездоровый литератор.

⁶ Владимир Потапов, в прошлом работник «Волги».

””

4 октября 2024 «Новости культуры» на одноимённом канале объявили, наконец будет показан фильм «Лермонтов» (1986), который тогда якобы «был положен на полку». Но позвольте, я видел эту ленту в 80-е годы по ТВ, сокрушаясь, что талантливый актёр Николай Бурляев взялся не за своё дело. А он рассказал, каких сил стоил ему этот фильм, сколько тысяч участников было занято в съёмках и т.д. Следом актриса Наталья Бондарчук, в жизни жена постановщика, в фильме мать Лермонтова, страстно поведала о том, какой «бешеной травле» подверглись создатели фильма, и прежде всего Николай Петрович.

Всё логично укладывается в ту же канву, где давно и очень громко проявляет себя Никита Михалков, а по ходу туда же укладываются и другие деятели культуры, и столь же логично, что режим поощряет это в форме не только ТВ-тиражирования, но и назначения на руководящие должности в театрах и т.п. И Бурляеву при всех его общественных погонах возжелалось напомнить сидящему у ящика народонаселению о своей первой профессии, ведь как актёр он после 1995 года в кино появлялся в ролях Николая II (дважды), графа А. Толстого и поэта Ф. Тютчева. И явилось как бы второе рождение якобы запрещённого фильма о Лермонтове.

””

Интересно, когда читаемые одновременно тексты вдруг оказываются не просто созвучны, но взаимовлиятельны, словно бы нарочно их расположил в соседстве, хоть книги взяты произвольно, по какой-то прихоти, или потому только, что взгляд остановился на этом, а не другом, корешке в книжном ряду.

Я перечитывал «Обломова», когда в томе оказалась старая себе памятка прочитать очерк Солженицына из его «Литературной коллекции» («Новый мир», 1999, №7) про Пантелеймона Романова, который давно привлёк моё внимание, я в буках в разное время сумел купить три тома его собрания сочинений 1928 года издания «Недра», а много позже объёмный сборник в Антологии сатиры и юмора XX века (Эксмо, 2004). Собственно, очерк Солжа сводится к краткому пересказу, что верно – комментировать тексты почти невозможно, настолько *что важнее чем как*. Вот так, например.

«В темноте». (Густейший военно-коммунистический быт в пятиэтажном здании; выкрутили все лампочки и обморозили ступеньки льдом, чтобы к ним не вселялись и лихие люди не приходили бы по ночам.)

Или:

«Спекулянты» (бабы берут детей в аренду, чтобы с ними без очереди в ж.-д. кассу).

И не надо объяснений, Солж лишь обронит: «И – как написано! – во всём рассказе ни слова лишнего, ни малого перебивая». Ср. с записью в Дневнике К. Чуковского: «Вчера читал у нас Пантелеймон Романов. Я послушал две минуты: “Щетина итыков”, “Море голов”. Я и ушёл. 1 октября 1933». Думаю, что Корней просто не хотел слышать страшное содержимое романовских текстов.

П. Романов сразу стал зорким, вернейшим бытописателем советского времени в его самых частных, мелких, житейских бытовых осколках. У него – открыты, вбирчиво открыты глаза и уши, – и он даёт нам бесценные снимки и звуковые записи, которых нигде бы нам не собрать, не найти. И тем достовернее их свидетельство, что они писались и печатались по самому горячему следу протекающей живой жизни. (И пусть нам другие писатели и интеллектуалы того времени не лгут, с 30-летним опозданием, после XX съезда, что, дескать, в то время «нельзя было ещё понять», «не сразу было видно», – а вот ещё как видно, в 20-е годы, всё на ладони!)

Это его описание раннесоветских годов – сейчас, в отдалении, становится тем более неотразимым свидетельством той эпохи. Запечатлённая жизнь! – так старательно потом и замазанная, и забытая.

Густо населённый мир рассказов Романова об эпохе революции и гражданской войны демонстрировал людей, когда их общая российская бестолковость, угодливость и хамство, чувствительность и равнодушие, готовность переложить ответственность, свалить вину на другого, растерянность пред всем новым, страх перед всем иноземным и ненависть к нему в соединении с кичливым патриотизмом, всё подходит под определение *обломовщины*, которую привычно относим лишь к помещикам-лежебокам, тогда как роман Гончарова приложим к русскому обществу вообще. Тот же вечный несменяемый Захар разве не продукт той же обломовщины, когда пришедшее письмо вызывает страх и нежелание открыть его, а любые неполадки и упущения лучше терпеть, чем исправить. В ядовитых очерках нравов, какими были постреволюционные рассказы Романова, то же обломовское царство, потревоженное, взбаламученное войнами.

Штольц в «Обломове» считал, что кроме той семейной, какая владеет Ильей Ильичом, есть и петербургская обломовщина, и деревенская... а если добавить обломовщину революционную, индустриальную, писательскую, театральную, инженерскую и военную...

Роман Гончарова создавался накануне отмены крепостного права, когда писатель надеялся на новых людей и скажет про Штольца: *«Он не способен был вооружиться той отвагой, которая, закрыв глаза, скакнет через бездну или бросится на стену на авось. Он измерит бездну или стену, и, если нет верного средства одолеть, он отойдет, чтобы там не говорили. <...> Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!»*

Но с тех пор были долгие годы, породившие советскую обломовщину, и вот в 90-е оживило всё, зашевелилось на десяток лет, и опять назад, да подальше и подольше, чтобы о новом и думать не смели. Выходит, Россия и есть гигантская Обломовка, где самое ценное это отсутствие перемен, но если они вдруг они и начинаются, жители быстро звереют, нападая и уничтожая друг друга...

Семнадцатый начинался заранее, ещё в позапрошлом веке, а уж с начала прошлого пошло-поехало к большой радости разнообразных творцов искусства и искусственного. Заглянуть в озверившиеся постсемнадцатые годы, когда копившаяся ненависть к имущим вспухнет и затопит Россию, Гончаров, конечно, не мог, как не узнал и о шансе, который получила Россия в столыпинские реформы. Если долгожданная отмена крепостного права ударила по Некрасову (*«Одним концом по барину, другим – по мужику»*), то реформы Столыпина с 1906 года были затеяны для спасения мужика, то есть экономики страны, и за Урал двинулись многие и многие хозяйственные мужики, которых уничтожит коллективизация, а того, кто затеял великое благо спасения крестьянской страны, в 1910 году застрелит загадочный во всех отношениях Багров. *«Уже забытою порой / Полубезумного шатанья / Вернул он к жизни – твердый строй, / Вернул он власти – обаянье...»* (Иван Тхоржевский).

С тех пор российская действительность соседство понятий власть и обаяние сделала невыносимым.